

А.В. ЮРЕВИЧ, Д.В. УШАКОВ

ПРАВСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Несмотря на экономические успехи, внутривластическую стабилизацию и другие позитивные тенденции последних лет, общее состояние современного российского общества выглядит неблагоприятным. Как повлиял на сложившуюся ситуацию мировой кризис, пока сказать трудно. Вряд ли в лучшую сторону. Статистика кризиса пока противоречива и ненадежна (см. табл.).

Таблица

Некоторые показатели состояния российского общества, по данным на 2006 г.

Показатель	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств, на 100 000 жителей	20,2	1-е в Европе и СНГ
Смертность от самоубийств, на 100 000 жителей	30,1	2-е в Европе и СНГ (после Литвы)
Смертность от случайных отравлений алкоголем, на 100 000 жителей	23,1	1-е в Европе и СНГ
Смертность от дорожно-транспортных происшествий, на 100 000 жителей	17,5	3-е в Европе и СНГ (после Литвы и Латвии)
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)	66,6	Последнее среди стран с развитой и переходной экономикой
Естественный прирост населения, на 1000 жителей	- 4,8	Одно из последних мест в Европе (перед Болгарией и Украиной)
Число детей, оставшихся без попечительства родителей, на 100 000 жителей	89	2-е в Восточной Европе и СНГ (после Литвы)
Количество разводов на 1000 жителей	4,5	1-е в Европе
Число абортот, на 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет	40,6	1-е в Восточной Европе и СНГ
Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в браке (%)	29,2	9-е в Восточной Европе и СНГ
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,4	1-е среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,3	143 позиция в мире (наряду с Гамбией, Индонезией, Того) из 180 стран, включенных в список

Источники: [8; 30; 46].

Юревич Андрей Владиславович — доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН. Адрес: 103012, Москва, ул. Ярославская, 13. Телефон: (495) 682–12–24. Факс: (495) 6829201. Электронная почта: yurev@orc.ru.

Ушаков Дмитрий Викторович — доктор психологических наук, заведующий Лабораторией психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН. Адрес: 103012, Москва, ул. Ярославская, 13. Телефон: (495) 683–53–30. Факс: (495) 682–92–01. Электронная почта: dv.usakov@gmail.com

Каждый из приведенных в таблице показателей говорит о многом. Так, количество убийств на 100 тыс. жителей в нашей стране сейчас почти в 4 раза больше, чем в США (где ситуация в данном отношении тоже неблагоприятна), и примерно в 10 раз превышает их распространенность в большинстве европейских стран [21]. По числу самоубийств наша страна в 3 раза опережает США, занимая второе место в Европе и СНГ не только по отношению к населению страны в целом, но и относительно молодежи в возрасте до 17 лет (в данном случае — после Казахстана)¹. По индексу коррупции за шесть лет (с 2002 по 2008 гг.) наша страна перебралась с 71-го на 147-е место в мире, а общий объем коррупционного оборота в России оценивается экспертами в 250–300 млрд долларов в год. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, свидетельствуют если не о массовом нежелании жить (психоаналитическая интерпретация подобных ситуаций), то, по крайней мере, о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и чужой жизни². В совокупности приведенные, а также другие подобные данные выстраиваются в целостную картину, которая свидетельствует о болезненном состоянии нашего общества. Удивительно, что в общественном сознании они воспринимаются с меньшей остротой, чем, скажем, количество медалей, выигранных на Олимпиаде (что само по себе служит показателем состояния общества, равно как и одаривание дорогами внедорожниками и без того небедных спортсменов-победителей).

Перечисленные в таблице показатели дополняются другими данными, демонстрирующими, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии:

Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийц или получают тяжкие телесные повреждения.

Каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. — убегают из дома.

Ежегодно 5 тыс. женщин гибнет от побоев, нанесённых мужьями;

Насилие над жёнами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвёртой семье.

12% подростков употребляют наркотики;

Более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России.

¹ По ряду причин, таких как стремление родственников представить самоубийство в качестве несчастного случая, недоучет самоубийств в российских регионах составляет порядка 13 %. Наблюдаются и такие тревожные тенденции, как снижение среднего возраста совершающих самоубийства, совершение их все более жестокими способами и др. [24].

² Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны, а ситуация на наших дорогах характеризуется как «война на дорогах», «гражданская война» и т. п. [23].

Около 1,5 млн российских детей школьного возраста вообще не посещают школу.

Детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек.

Темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности.

В современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключённых, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов [1; 5].

Количественные данные, в свою очередь, могут быть дополнены хорошо известными бытовыми примерами, выражающими состояние современного российского общества. По-прежнему широко распространена практика криминальных «крыш», рейдерства, «чёрного риэлтерства», финансовых «пирамид», других видов мошенничества и т. п. В школах продаются наркотики. Публичная речь, в том числе на телевидении и радио, изобилует матом и блатным жаргоном. Бомжи стали непременным атрибутом вокзалов и других публичных мест. Интернет переполнен фильмами, где в деталях показано, как ученики избивают своих учителей. Пожилых людей сотнями убивают ради того, чтобы завладеть их квартирами. Пьяные матери выкидывают в окна своих младенцев. Существует (в XXI веке!) и такое явление, как работорговля, причём в прямом, а отнюдь не в метафорическом смысле слова. Развязно-агрессивные юнцы демонстративно не уступают места в транспорте пожилым людям, а порой и способны убить за сделанное им замечание — как в г. Кольчугино, где компания подонков, распивавшая водку на мемориале героям Великой отечественной войны, убила и сожгла на Вечном огне человека, попытавшегося их усомнить. Широко распространены секты, практикующие помимо всего прочего и человеческое жертвоприношение. А типовой реакцией значительной части нашей молодежи на гибнущего рядом человека стал... хохот. И все это — не сцены из фильма ужасов, а наша жизнь, наше общество.

При всем разнообразии подобных явлений, а также процессов, характеризующих приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которым служит *моральная деградация* современного российского общества или, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение морали». Закономерно, что согласно результатам социологических опросов, падение нравов воспринимается нашими согражданами как одна из главных проблем современной России, они констатируют «порчу нравов» в качестве одной из самых опасных тенденций [20]. Закономерно и то, что наш прежний президент в одном из своих последних выступлений в этой должности обозначил моральное состояние современного российского общества как одну из его ключевых проблем. А то, что, например,

по данным Института Гэллапа, около 80% граждан США тоже считают, что моральный климат в их стране деградирует, едва ли может служить для нас утешением.

Крайне тревожное нравственное состояние нашего общества проступает также в социологических и психологических исследованиях. Часто констатируется и антагонистическое противостояние двух видов морали: богатого меньшинства и бедного большинства [20], хотя, конечно, видов морали и их «антагонистических противостояний» в нашем социуме можно обнаружить намного больше.

Социологические исследования высвечивают разительный контраст между российскими и западными нормами поведения в общественных местах. Наши студенты и молодые специалисты, проходящие обучение в западных странах, отмечают, что там незнакомые люди улыбаются друг другу, «однако когда эту улыбку привозишь на родину, то чаще всего она не находит ответа, оказывается неуместной и постепенно исчезает» [15, с. 107]. А вот впечатление девушки, вернувшейся в нашу страну после зарубежной стажировки: «Все такие серые, злые, пихаются, толкаются, все ругаются. В метро, если час пик, то это битва и бойня. Меня это шокировало, и я вдруг поняла: “Боже мой! В какой стране я живу!”» [15, с. 108].

И.В. Щербакова и В.А. Ядов сравнивали такую форму проявления вежливости, как придерживание двери в метро следом идущему пассажиру, у жителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Будапешта. Наихудшие показатели продемонстрировали москвичи, а наилучшие — жители Будапешта, причем в будапештском метро это чаще всего делала молодежь, а у нас — люди среднего и пожилого возраста. Некоторые российские респонденты сравнивали поездку в метро в час пик с борьбой за выживание, в которой другие пассажиры воспринимаются как конкуренты за место в вагоне [38].

Канадские социологи в 2006 г. провели исследование, продемонстрировавшие, что по частоте случаев *helping behavior*, выражающегося в готовности помочь ближнему, Москва замыкает список из 48 городов мира [38]. Другие сравнительные исследования бытовой культуры также показывают, что по уровню хамства, агрессивности и ненависти к себе подобным мы явно лидируем, причем наблюдается тенденция к «брутализации», то есть к еще большему ужесточению нашей общественной жизни (закономерно, что термин «брутализация» занимает видное место в терминологическом аппарате отечественной социологии). «Брутализируется» все — от отношений между супругами, нанимающими киллеров для решения внутрисемейных конфликтов, до способов совершения самоубийств. А около 50% наших сограждан признаются, что хамят окружающим регулярно, считая такое поведение социальной нормой, причем наиболее часто это делают молодые и хорошо обеспеченные люди [14].

Получены данные о том, что в нашей стране намного больше, в сравнении, например, с США, респондентов, утвердительно отвечающих на вопрос: «Может ли человек нарушать закон и при этом быть правым?». А доля лиц, считающих, что законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах, то есть подлинно законопослушных, по крайней мере, на словах, в течение последних 15-ти лет практически не меняется и составляет 10–15% [3]. В отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация происходит в основном через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране этот процесс либо «застревает» на начальной стадии, где послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо, минуя средний уровень, сразу «проскакивает» к высшему, характеризующемуся опорой на высшие этические принципы и совесть [3]³. Аналогичные результаты дает изучение моральных суждений младших школьников, которые считают основными причинами совершения поступков страх наказания и сочувствие, причем за последние 70 лет эта схема объяснения мало изменилась [17].

Моральная деградация нашего общества констатируются представителями самых различных наук, и ее можно считать подлинно «междисциплинарным» фактом. Психологи отмечают, что «Россия на долгие годы оказалась «естественной лабораторией», где нравственность и правовое сознание граждан проходили суровые испытания» [3, с. 17]. Социологи показывают, что «в конце XX – начале XXI века российское общество, ввергнутое государством сначала в “перестройку”, а затем в “радикальные реформы”, постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения» [20, с. 225]. Они же констатируют «моральную аберрацию» мышления наших политиков — его дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые в нем вытеснены категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. [20, с. 225]. Экономисты отмечают, что «среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение нравственно-психологическим миром

³ М.И. Воловикова, получившая эти результаты, опирается на классификацию Л. Колберга, который выделил три стадии освоения человеком моральных норм: 1) их соблюдение из страха наказания, 2) следование им из подражания другим — потому что все так делают, 3) соблюдение под влиянием внутренних этических принципов [43]. Идеи, аналогичные содержащимся в классификации Колберга, неоднократно высказывались и в философии. «Воздерживаться от проступков не в силу страха, а из чувства долга» призывал Демокрит [Цит. по: 9, с. 252]. А О.Г. Дробницкий так описывает механизм «интернализации» морали: «Индивид постепенно как бы вбирает в себя общественное осуждение и одобрение и сам становится их проводником» [Цит. по: 9, с. 252].

человека», подчеркивая «интенсивное искоренение морально-этической составляющей из социального бытия» [6, с. 588]. А философы связывают происходящее в современной России с тем очевидным фактом, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке⁴, и, соответственно, должна предполагать ограничения на высвобождение худшего. «Что сделает из политической свободы человек, который не созрел для неё и переживает её как разнуздание? — задавался вопросом И.А. Ильин и отвечал, — он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы» [12, с. 146]. Что и произошло в нашей стране в начале 1990-х. «Анархический порядок 90-х массово породил индивида, понимающего свободу как волю», — констатирует В.Г. Федотова [34, с. 791].

Симптоматичные результаты дали психологические обследования ограниченно вменяемых правонарушителей. Оказалось, что под словом «свобода» они понимают пребывание вне условий заключения под стражу и/или освобождение из мест лишения свободы, а в экзистенциальном плане — как вседозволенность, свободу от нравственного и государственного контроля [18].

Налицо тенденция к экспансии такого понимания свободы на широкие слои нашего общества. Оно пустило глубокие корни в общественных настроениях, особенно в молодежной среде. Как подчеркивает В.А. Ядов, любой социальный порядок, любая социальная организация — это совокупность ограничений, заключающих индивида в пространство несвободы [40]. А ситуации неизбежного ограничения свободы, например, в школе или в вузе, где учащиеся вынуждены соблюдать определенные правила, воспринимаются многими молодыми людьми болезненно в силу уже самого этого факта. Интернет-сюжеты, где учащиеся избивают своих педагогов, — одна из характерных для нашего времени реакций на такое ограничение.

Социологи констатируют, что «сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное

⁴ Очень поучителен сюжет американского научно-фантастического фильма «Запретная планета». Некая внеземная цивилизация достигла сверхвысокого уровня технического развития, изобретя способ непосредственно материализовывать желания путем выведения их на источник огромной энергии. Запретные желания материализовались в «Демоне Ид» — «Демоне бессознательного», который уничтожил эту цивилизацию. Аналогия данного сюжета с происходившим в нашей стране в начале 1990-х гг., возможно, утрирована, но небезосновательна.

отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое “вторжение”: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость» [28, с. 50]. Характерны и такие утверждения социологов: «Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества — от повседневной жизни до правил организации экономической и политической “игры”, от межличностных отношений до социальных институтов» [28, с. 38]. «Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт — художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки), даже в рингтоны для мобильных телефонов» [28, с. 38] и т. п. Подмечено, что главный герой наших кинофильмов и сериалов — «хороший» бандит («Бумер», «Бригада», «Брат» и др.), а отнюдь не борец с криминалом. По данным опросов, больше половины наших сограждан систематически использует блатной жаргон [28, с. 38] и т. п. На наших телеканалах еженедельно выходит более 60 информационных выпусков, посвященных криминальным сюжетам. И даже представители власти регулярно прибегают к подобному «дискурсу».

Особо тревожную картину высвечивают обследования «нашего будущего» — современной российской молодежи. Опросы демонстрируют, что сейчас молодые люди воспринимаются как ведущие себя намного более свободно и раскованно, нежели в советские времена [35]. Однако эта свобода и раскованность часто превращается в развязность и разнузданность. Симптоматично то, что мат стал «рабочим дискурсом» значительной части молодого поколения, в том числе и его прекрасной половины, хотя в данном плане студенчество по-прежнему воспринимается как ведущее себя более цивилизованно, нежели основная часть нашей молодежи [35]. Регулярно констатируется и неуважение молодежи к старшим. Широкое распространение приобрел такой феномен, как эйджизм, охватывающий негативные стереотипы в отношении старости и старения, а также соответствующие дискриминационные практики [41]⁵. Психологи отмечают, что «в настоящее время в российском обществе сложилось устойчивое мнение об обострении взаимоотношений между возрастными поколениями, в частности между молодежью и пожилыми и старыми людьми» [25, с. 136]. Это подтверждается данными многочисленных исследований. Констатируется и то, что в современном российском обществе «интолерантность в отношении старости проявляется в нетерпимости к лицам пожилого возраста со стороны молодого поколения и общества в

⁵ Чаще этот термин применяется более широко — как обозначение любого предубежденного отношения к возрастным группам, в том числе и к младшему поколению.

целом» [27, с. 138]. При этом «исследования показывают, что значительная часть аморальных поступков, совершаемых молодыми людьми, связана с их ориентацией на групповые нормы, которые вступают в противоречие с общественными» [16, с. 34]. Демонстративное хамство и неуступание мест в общественном транспорте пожилым людям — это не случайность, а принципиальная позиция, органично вписывающаяся в известное высказывание одного из идеологов наших реформ о том, что рыночное общество по-настоящему утвердится в России лишь тогда, когда вымрет старшее поколение. Не менее органично эта ситуация вписывается в мысль, что нравственное состояние общества определяется его отношением к старикам и детям. В общем, разные звенья одной цепи здесь смыкаются воедино.

Исследования показывают также, что «молодые люди выражают неоднозначное отношение к необходимости соблюдения социальных норм» [39, с. 55]. Хотя количественно преобладают те, кто — по крайней мере, исследователям — отвечают, что нормы надо соблюдать (есть основания усомниться в искренности значительной части таких респондентов), широко распространена и позиция: «мы будем соблюдать законы и нравственные нормы, если нравственно поступать будет выгодно, когда будут выработаны законы, соответствующие потребностям современной личности, и когда эти законы будут осознанно ею выполняться» [цит. по: 39, с. 50]. А пока выгоднее нарушать законы и нравственные нормы, стремление к их соблюдению остается абстрактным. Подобный диссонанс — демонстративное признание одних норм и реальное следование другим, подчас прямо противоположным, как и всякий когнитивный диссонанс [42], болезненно переживается человеком, порождает у него чувство внутренней дисгармонии, снижает удовлетворенность жизнью [39]. Такое состояние общества вносит свой вклад в печальную статистику самоубийств и нервно-психических расстройств.

Психологические, социологические, демографические и другие исследования, а также приведенная выше удручающая статистика разводов, социального сиротства, количества детей, рождающихся в неполных семьях, свидетельствуют о кризисе социального института семьи, также отражающим нравственное состояние нашего общества. «Проблемы семьи и семейного воспитания в последние годы стоят как никогда остро: демографы, социологи, культурологи, психологи, педагоги подтверждают наличие глубокого системного кризиса этого социального института» [31, с. 42].

Печальные результаты дают и психологические обследования современного российского бизнеса. Бизнес не готов к политике социальной ответственности, последняя воспринимается нашими предпринимателями как идиологема, противоречащая их коммерческим интересам; понятие социальной ответственности совершенно по-разному

трактуются бизнесменами и основной частью общества [36]. Это создает социально-психологические условия не только для регулярного возникновения финансовых «пирамид» и прочих проявлений недобросовестности предпринимателей, но и для «холодной гражданской войны» между ними и госслужащими.

В общем, есть все основания говорить о комплексной и системной морально-нравственной деградации нашего общества. По аналогии с выделением Л. Колбергом трех стадий морального развития [43], можно обрисовать и несколько стадий моральной деградации, характерной для этого общества. Советской моралью был предписан «просоциальный альтруизм»: советский человек во всем должен был подчинять личные интересы общественным, следуя принципу: «человек — для семьи, семья — для государства». Естественно, в моральном плане такая позиция не вызывает возражений, однако, как показал опыт СССР, она малореалистична⁶. Более продуктивна позиция «разумного эгоизма», в целом характерная для западного общества: человек думает прежде всего о себе, но старается, чтобы его действия не наносили ущерба окружающим, дабы и они платили ему тем же. Третья позиция характерна для современного российского общества, особенно для молодежи, и состоит в подчеркнутом игнорировании окружающих и общепринятой морали. Демонстративное неуступание мест пожилым людям или выставление автомобилей поперек улицы — яркие примеры такого поведения, субъекты которого подобными путями выставляют напоказ свою «крутизну» и повышают самооценку. Наконец, четвертая позиция заключается в умышленном нанесении вреда окружающим. Повсеместный мат, вандализм и т. п. — свидетельства моральной деградации, которую в современной России можно наблюдать повсеместно.

Среди основных причин «испарения моральности» в пореформенной России обычно отмечают следующие:

Общее ослабление контроля над поведением граждан в обществе, неизбежно сопутствующее, как показывает история, радикальным реформам и характерное для «турбулентных», изменяющихся обществ.

Нравственные качества реформаторов⁷, многие из которых были рекрутированы во властные «демократические» структуры из партийных и комсомольских работников. Они использовали административный ресурс

⁶ Как пишет О.А. Кармадонов, «У человеческого существа были отняты этой моделью все существенные человеческие характеристики, включающие как сильные стороны, так и слабости. В результате сам человек исчез, уступив место “строителю коммунизма”, снабженному своим “моральным кодексом”, т. е. комплексом приписанных ему черт, характеристик и мотиваций» [13, с. 65].

⁷ Естественно, не всех. Принято различать, например, «демократов-романтиков», искренне отстаивавших демократические ценности, и пришедших им на смену «демократов-прагматиков», ловко использовавших демократические лозунги в личных интересах, например для оправдания выгодной им приватизации [7].

как средство доступа к собственности, обобщив свою личную безнравственность в удобную им идеологему «ненужности морали» для рыночной экономики.

Специфический характер «трех источников и трех составных частей» современного российского бизнеса: а) бывшие советские «цеховики», то есть подпольные производители товаров и услуг, б) представители криминального мира, в советские годы облагавшие данью «цеховиков» и продолжившие эту практику в условиях рыночной экономики, в) партийные и комсомольские работники, с поразительной легкостью сменившие социалистическую мораль на капиталистическую.

Распространение в начале 1990-х гг. в массовом сознании таких идеологем, как «можно все, что не запрещено законом», «надо жить по закону, а не по совести», «главное деньги, и не важно, какими путями они заработаны» и др. Подобные «стратегемы», по существу, отрицающие всякую мораль, предлагали решение давней российской альтернативы «по совести или по закону?» в пользу последнего. На деле общество стало жить и не по совести, и не по закону, а «по понятиям».

Распространившееся в начале реформ псевдолиберальное понимание свободы как несоблюдения любых правил и запретов,⁸ как разнузданности и безответственности, охотно воспринятое некоторыми слоями нашего общества.

Криминализация — не только в общепринятом (рост преступности и др.), но и в расширенном смысле слова — криминализация «всей общественной жизни», включающая обилие кинофильмов про «хороших бандитов», популярность криминальной лексики («наезды», «разборки» и т. п.), ужесточение, «брутализация» этой жизни, широкое распространение силовых схем разрешения спорных ситуаций, престижность подчеркнуто агрессивного поведения и т. д.⁹

Привлекательность закрепляемых «амнистией прошлого» (мол, неважно, что имярек в прошлом бандит, сейчас он — «респектабельный бизнесмен», а его прошлое не имеет значения) негативных образцов поведения, создаваемых наиболее успешными людьми современной России, которые сколотили свои состояния, полностью игнорируя нормы морали.

Аномия — разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом, характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гиперномии — сверхнормированности — социалистических режимов [34]¹⁰.

⁸ Отметим, что подобное понимание свободы не является нашим российским «изобретением». Так, например, свобода, пропагандировавшаяся французскими салонами эпохи Просвещения, «носила сугубо негативный характер, превратилась в свободу отрицания всех моральных устоев — веры, авторитета, традиций, опыта, уважения к власти, объявленных предрассудками» [26, с. 412].

⁹ Повышенная агрессивность как норма нашей жизни затронула даже Интернет [11], что естественно, поскольку «культура задает нормы агрессии и является первостепенным источником формирования делинквентного поведения» [11, с. 65].

¹⁰ Об аномии целых обществ заговорили относительно недавно. Понятие было введено Э. Дюркгеймом для описания состояния, переживаемого человеком перед самоубийством

Упразднение *социальных институтов* морального контроля, в роли которых в советском обществе выступали партийная и комсомольская организации, товарищеские суды, народный контроль и т. д.; при всех их общеизвестных недостатках они выполняли очень важную социальную функцию морального контроля.

Господство «экономического детерминизма» в подходах к решению основных проблем общества¹¹.

Со времен А.С. Макаренко единство обучения и воспитания считалось одним из краеугольных камней отечественной системы образования. Между тем, в наших нынешних стратегических разработках, направленных на ее развитие, проблема воспитания совершенно игнорируется.

Не имея в данном контексте возможности обсудить эти причины, подчеркнем, что нравственное состояние общества, которое сторонники «экономического детерминизма» склонны игнорировать, относя, по их выражению, к «так называемой социалке» (показательно явно уничижительное звучание данного термина), имеет в системе социальных процессов многокомпонентный статус и включает как минимум три аспекта. Оно представляет собой одновременно: а) индикатор состояния общества, б) следствие происходящих в нем процессов, в) основу того, что ожидает это общество в будущем.

Последнее с особой отчетливостью проявляется в проблеме рождаемости, которая в последние годы обозначается, в том числе и органами власти, в качестве одной из ключевых. Как показывают исследования, чисто экономические меры повышения рождаемости могут дать ее прирост в пределах 15–20% [2]. Основное влияние на нежелание иметь детей оказывают внеэкономические факторы. Среди них, как демонстрируют опросы, одно из первых мест занимает нежелание рожать детей в *такой стране*, нравственное неблагополучие которой акцентируется респондентами [33].

А.Ю. Шевяков приводит данные о том, что «изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» [37, с. 305]. А это напрямую характеризует нравственное состояние нашего общества. Автор подчеркивает, что «связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» [37, с. 308].

[10] и прежде применялось к индивидам. В этой связи уместно вспомнить мысль О.Г. Дробницкого о том, что «...требования нравственности <...> могут быть обращены и к социально-историческим процессам и состояниям» [9, с. 248].

¹¹ Этот стиль мышления и видения происходящего в обществе, согласно которому главное — экономика, а все остальное, включая мораль, вторично, подвергали разрушительной критике А. Токвиль [45], К. Поланьи [44] и многие другие известные мыслители, а М. Рац назвал его «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономик» [29] от марксистского разделения общества на экономический базис и второстепенную социальную надстройку.

Различные проявления психологического состояния общества, например социальное самочувствие населения, существенно влияют и на среднюю продолжительность жизни. «Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связан с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия» [6, с. 588]. Одни из этих причин (например, массовая агрессивность) являются непосредственными показателями разрушения нравственности, другие — апатия, депрессия и др. — массовой психологической реакцией на ее разрушение. В частности, перманентное ощущение безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей среды вызывает у человека стресс, апатию, депрессию и т. п., в свою очередь, порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни. По данным Всемирной организации здравоохранения, от 45% до 70% всех заболеваний связаны со стрессом, а такие психосоматические заболевания, как неврозы, нарушения сердечно-сосудистой деятельности, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефициты, эндокринопатии и опухолевые заболевания напрямую от него зависят [32].

Постоянное чувство неблагополучия окружающей среды играет важную роль среди мотивов самоубийств, а также имеет прямое отношение к удручающей статистике наркомании, алкоголизма, несчастных случаев и др., являющихся основными появлениями физического саморазрушения нашего общества. А.Ю. Мягков и С.В. Ерофеев отмечают, что «в теориях социальной интеграции рост самоубийств традиционно считается важным признаком усиления напряженности и самодеструктивности в обществе, являющихся, в свою очередь, следствием глубоких девиаций в социальных структурах и отсутствия ценностно-нормативного единства» [24, с. 54]. Они констатируют, что «продолжающийся рост самоубийств — это та цена, которую мы до сих пор вынуждены платить за нецивилизованные формы перехода к рынку» [24, с. 50]. В.К. Левашов «катастрофическую депопуляцию» [20, с. 259] современной России объясняет «нравственным разрывом между обществом и государством» [20, с. 259]¹².

Все это демонстрирует «материальность» нравственного состояния социума и невозможность решить эту проблему «по остаточному принципу». А ее решение «вслед» за достижением всеобщего экономического благоденствия может привести к тому, что не останется

¹² По данным опросов, большинство наших сограждан считают, что современное российское государство выражает главным образом интересы государственной бюрократии и богатых слоев, а не общества в целом [20]. Однако и при более позитивном представлении о нашем государстве и приписывании ему прообщественных интенций приходится признать, что «Государство проигрывает войну с общественными пороками» [20, с. 426].

общества, нравственный уровень которого предполагается повышать, или что оно будет существовать в состоянии описанной в социально-философских утопиях «войны всех против всех», видимо, неспроста занимающей видное место в романах наших современных писателей-фантастов [см.: 4].

За последние годы наметились определенные позитивные сдвиги. И тем не менее российское общество по-прежнему «травмировано хаосом» [34], а одной из его главных проблем является *не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), а прямо противоположное — дефицит контроля*, прежде всего внутреннего — нравственного. Эта — ключевая — потребность современного российского общества преломляется в массовом сознании. По данным опросов, подавляющее большинство наших сограждан выступает за ужесточение законов, нравственную цензуру СМИ (которую ее противники выдают за идеологическую, совершая умышленную подмену понятий) и другие формы нравственного контроля. Аналогичные интенции наблюдаются в органах власти, а также в Общественной палате, члены которой заявляют, что «главная проблема современной России — падение морально-нравственной культуры», и т. д. Все это говорит о том, что в нашем обществе *вызрела соответствующая потребность*.

Разумеется, попытка дать простой ответ на традиционный российский вопрос «что делать?» применительно к нравственному состоянию нашего общества была бы абсурдной. Очевидно и то, что декларативные призывы к возрождению морали и нравственности звучат как глас вопиющего в пустыне, а в условиях нигилизма значительной части нашей молодежи, приученной псевдолиберальными идеологами «делать все наоборот» в отношении призывов старшего поколения, могут дать и прямо противоположный эффект.

Тем не менее, ключевые направления возрождения нравственности можно наметить.

Во-первых, надо пересмотреть понимание свободы, которое досталось нам в наследство от первых лет реформ и которое носит в современной России крайне искаженный характер. Свобода предполагает ее разумные ограничения, интериоризуемые гражданами. Подобное понимание свободы, прописанное в трудах И. Канта, И.А. Ильина и других выдающихся мыслителей, следует вживлять в умы наших сограждан с помощью системы образования, которая сейчас уделяет этим трудам и соответствующим проблемам явно недостаточное внимание.

Во-вторых, целесообразно возродить институты морального контроля, которые в современном российском обществе практически отсутствуют. Едва ли следует стремиться к созданию институтов, напоминающих советские партийные и комсомольские организации (в

демократическом обществе это и невозможно), однако и школы, и вузы, и общественные организации могли бы выполнять функции морального контроля, для чего необходим мандат общества на их выполнение. Например, поступление в вузы и пребывание в них резонно поставить в зависимость от поведения учащихся в учебных заведениях и за их пределами. А общественным организациям, в том числе и нашей ведущей политической партии, следовало бы придавать большее значение нравственным качествам своих членов.

В-третьих, в условиях характерного для современного российского общества дефицита внутренних — нравственных — регулятивов, следовало бы прибегнуть к их «экстернализации» путем придания моральным нормам статуса законов. Ярким примером может служить принятый Государственной думой закон, запрещающий распитие пива и других слабоалкогольных напитков в общественных местах. В данном, очень поучительном, случае внутренний — нравственный — запрет был переведен в институциональную форму. И это «сработало», хотя и в соответствии с российским отношением к законам: пить пиво в общественных местах наши сограждане, конечно, не перестали, но стали делать это значительно реже. То же самое следовало бы сделать в отношении употребления мата¹³ в общественных местах, демонстративных оскорблений старших по возрасту и других форм грубого нарушения морали.

В-четвертых, надо предпринять целенаправленные усилия по декриминализации нашего общества, в том числе и его бытовой культуры. Неверно думать, что эта проблема имеет отношение только к правоохранительным органам. В частности, декриминализация массового сознания предполагает не только очищение нашей лексики от блатного жаргона и т. п., но и радикальное изменение системы отношений между населением и правоохранительными органами. В том числе и отношения к информированию последних о нарушениях закона, которое в нашей культуре, под очевидным влиянием криминального мира, квалифицируется как «донос»¹⁴. Мы до сих пор не научились различать доносы, в том числе и идеологические, и сообщения о правонарушениях, к тому же считая «мелкие» нарушения не существенными и не заслуживающими внимания правоохранительных

¹³ Нечто подобное уже делается в некоторых российских городах, что иногда порождает насмешки представителей СМИ, плохо понимающих разрушительность воздействия на общество «слабых» форм девиантного поведения.

¹⁴ В этом плане поучителен пример Финляндии, признанной наименее коррумпированной страной мира. Один из краеугольных камней борьбы с коррупцией в этой стране — простота и эффективность информирования правоохранительных органов о любых случаях коррупции, то есть, в нашей терминологии, «доносов» на чиновников. Любой гражданин может сделать это с помощью Интернета, без заполнения каких-либо бумаг и бюрократических препон. Там же вывешиваются «черные списки» чиновников, уличенных в коррупции, попадание в которые лишает их возможности устроиться на хорошую работу.

структур. Отмечается, в частности: «то, что одни называют законопослушанием, другие — доносом <...> доносительство у нас не приветствуется <...> стучать нельзя, потому что закон — “чужой”» [22, с. 77]. В повседневном обиходе отсутствует и такое понятие, как «профессиональный преступник», хотя значительная часть наших сограждан, находясь на свободе, способна заниматься только криминальной деятельностью и не скрывает этого.

В-пятых, следует шире привлекать ученых — социологов, психологов и др. — к разработке законов, которая у нас считается сферой компетентности лишь профессиональных юристов и вездесущих политиков¹⁵. Законы — это не просто юридические нормы, а наиболее общие правила социального взаимодействия, которые должны создаваться и вводиться с учетом его социальных, психологических, экономических и прочих закономерностей, раскрываемых соответствующими науками.

Естественно, возможны и другие средства возрождения нравственности, например религия, на которую в этом плане возлагаются большие надежды. Можно согласиться, например, с С.Д. Лебедевым в том, что «переоткрытие религии современным обществом существенно повышает вероятность творческого обновления социокультурной традиции и, соответственно, преодоления обществом наличествующих кризисных ситуаций» [19, с. 34]. Вместе с тем, он же отмечает, что «религиозные “прививки”, как представляется, настолько конструктивны сегодня, насколько они окажутся способными актуализировать и развить потенции светской культуры, выполняющей в современном обществе функции поддержания образца в социетальном масштабе» [19, с. 35]. А социетальные образцы в нынешней России, к сожалению, оставляют желать много лучшего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ положения детей в РФ / ЮНИСЕФ; Институт экономики города. М.: ЮНИСЕФ, 2007.
2. Бойко В.В. Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985.
3. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 16–23.
4. Володихин Д. Требуется осечка: Ближайшее будущее России в литературной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 79–93.
5. Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации», М.: Министерство труда и социального развития Российской Федерации, 2006 г.

¹⁵ Тот факт, что в наших законодательных органах обильно представлены спортсмены и шоумены, расширяя социальную базу принимающих законы, лишь ухудшает ситуацию.

6. Гринберг Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 7. С. 584–592.
7. Дилigentский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
8. Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН) / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2007.
9. Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Философия, Наука. Культура. М., 2008. С. 248–256.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб., 1998.
11. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.Н., Цибульский Н.П., Чудова Н.В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 65–72.
12. Ильин И.А. О грядущем России: Избранные статьи / Под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Изд-во Св.-Троицкого Монастыря, 1991.
13. Кармадонов О.А. Символ и трансформация: перестройка как патологический феномен // Вопросы психологии. 2006. № 5. С. 60–74.
14. Климов И. О хамстве и хамах // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 77.
15. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д. Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 97–114.
16. Короткина Е.Д. К проблеме экстремизма в молодежной среде // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 33–35.
17. Кравцова М.М. Сравнительный анализ моральных суждений младших школьников (1930 и 2000 гг.) // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 27–36.
18. Кудрявцев И.А. Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть II // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 76–95.
19. Лебедев С.Д. Религиозный ренессанс: к демифологизации понятия // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 24–36.
20. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М., 2007.
21. Лысова А.В., Щитов Н.Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99–115.
22. Любарский Г. Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решетку // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 73–79.
23. Максимова В. Дорожное движение изнутри и снаружи водительской кабины: поможет ли ужесточение наказаний за нарушение ПДД // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 29–39.
24. Мягков А.Ю., Ерофеев С.В. Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 37–58.
25. Оглезнева Н.В. Межпоколенная толерантность как фактор стабилизации общества // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 136–137.
26. Огуцов А.П. Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 405–425.
27. Петрова Т.А. Межпоколенное взаимодействие как способ преодоления эйджизма среди молодежи // Социальные риски в современном поли-

- культурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 138–140.
28. Преснякова Л. Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38–50.
 29. Рац М.В. Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр, 1997.
 30. Российский статистический ежегодник 2007. М.: Росстат, 2007.
 31. Спиридонов Р.Е. Интеграция семьи и школы как условие формирования личности в современных условиях образования // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 42–46.
 32. Судаков К.В. Индивидуальная устойчивость к эмоциональному стрессу. М., 1998.
 33. Сулакишин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006.
 34. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 786–798.
 35. Фень Е. Образ студента: обстоятельства времени // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 46–62.
 36. Чечурова Ю.Ю. Социальная ответственность организации как фактор снижения рисков в обществе // Социальные риски в современном поликультурном обществе: Психологические и педагогические аспекты. Тверь, 2008. С. 204–208.
 37. Шевяков А.Ю. Неравенство в формировании новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 304–313.
 38. Щербакова И.В., Ядов В.А. Культура предупредительного поведения в большом городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.
 39. Шустова Н.Е., Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация молодежи и отношение к социальным нормам // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 46–57.
 40. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.
 41. Guddy A.J.C., Fiske S.T. Doddering but dear: Process, content and function in stereotyping of older persons // Ageism: stereotyping and prejudice against older persons / Ed. by T.D. Nelson. New York, 2004. P. 3–27.
 42. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. New York, 1957.
 43. Kohlberg L. Moral stages and moralization // Moral development and behavior. New York, 1977. P. 31–53.
 44. Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.
 45. Toqueville A. The Old Regime and the French Revolution. New York: Anchor, 1955.
 46. Transparency International. URL: <<http://www.transparency.org/>>

This document was created with Win2PDF available at <http://www.win2pdf.com>.
The unregistered version of Win2PDF is for evaluation or non-commercial use only.
This page will not be added after purchasing Win2PDF.